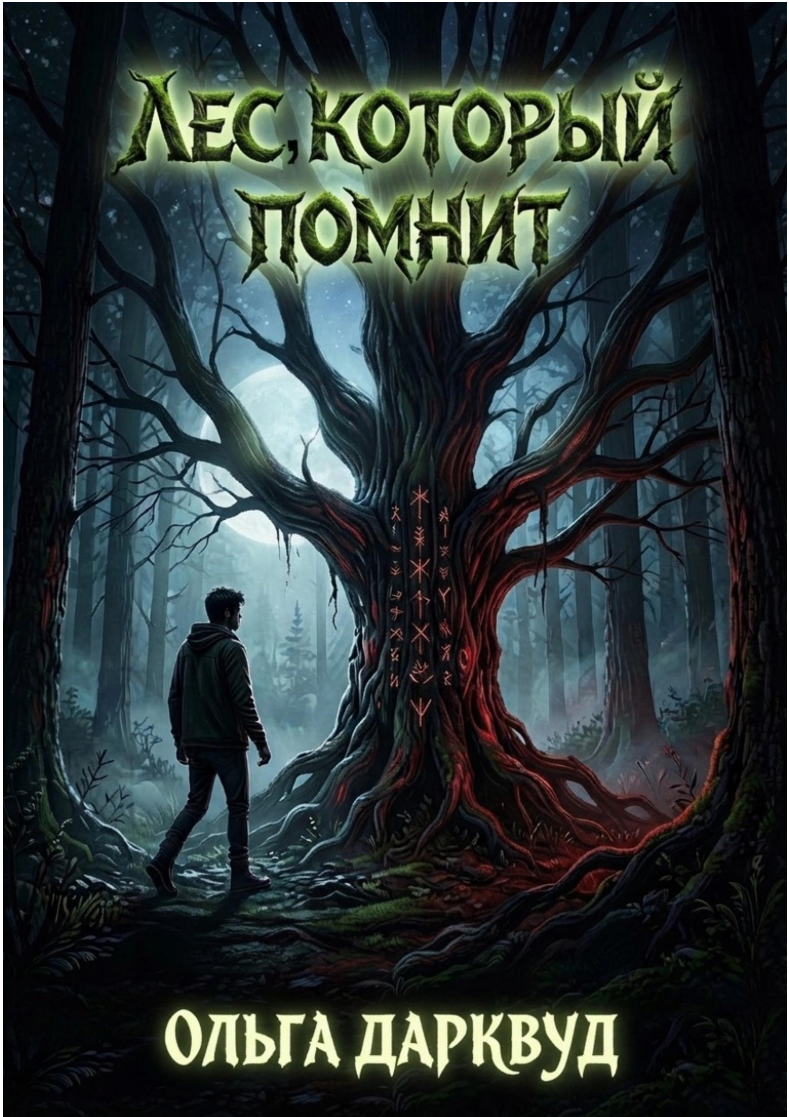

Лес, который помнит
Ольга Дарквуд

Ольга Дарквуд
Лес, который помнит

https://litres.ru/74928842
SelfPub; 2026

Аннотация

За маленьким городком Райвенсвудом находится лес, в который не ходят после заката. Городская легенда гласит, что лес «запоминает» каждого, кто входит, и если ты не выйдешь до рассвета, лес оставит тебя себе. В Хэллоуин Тайлер Бишоп идёт со своими друзьями на вечеринку в лесу — популярную среди старшеклассников, но нелегальную — и не возвращается.

Эмили Кэрроу (главная героиня) начинает расследование, и обнаруживает, что за последние сто лет в лесу пропали семь человек — все 31 октября. Среди пропавших был и её дедушка.

Ольга Дарквуд
Лес, который помнит

«ЛЕС, КОТОРЫЙ ПОМНИТ»

За маленьким городком Райвенсвудом находится лес, в который не ходят после заката. Городская легенда гласит, что лес «запоминает» каждого, кто входит, и если ты не выйдешь до рассвета, лес оставит тебя себе. В Хэллоуин Тайлер Бишоп идёт со своими друзьями на вечеринку в лесу — популярную среди старшеклассников, но нелегальную — и не возвращается.

Эмили Кэрроу (главная героиня) начинает расследование, и обнаруживает, что за последние сто лет в лесу пропали семь человек — все 31 октября. Среди пропавших был и её дедушка. Кейт Моррисон (лучшая подруга Эмили) помогает собрать данные и строит график: исчезновения происходят в точках, образуя на карте фигуру. Макс Тернер, который работает волонтёром в спасательной службе, находит в лесу ботинки Тайлера. Коул Райт (лучший друг Тайлера) вспоминает, что Тайлер за неделю до исчезновения стал другим. Сильвия Лоуренс, самая молчаливая из компании, признаётся, что ей снился лес, который говорил что ей нельзя входить. После этого сна она боится подходить близко к лесу.

Итан Кейн — новенький. Он вырос в лесу в Монтане в очень маленьком городке Мунрейн. Дом их семьи стоял прям около леса и поэтому Итан не боится деревьев. Он добровольно идёт с Эмили в лес, чтобы найти Тайлера.

ПРОЛОГ

Райвенсвуд, 31 октября 2019 года
Артур Кэрроу знал, что в лес не ходят после заката.

Знал — как знали все в Райвенсвуде. Это правило висело в воздухе между слухами и молчанием, между взглядами, которые бросали в сторону деревьев, когда солнце садилось низко. Никто не помнил, когда оно появилось, но никто и не спорил с ним.

Но этим вечером Артур стоял на краю леса и смотрел внутрь.

Ему было шестьдесят семь. После смерти жены — Маргарет, прошлой зимой, — он стал тише. Не молчаливее, а именно тише, будто звук внутри него убавили. Дочь Мэган беспокоилась за него каждый день. Внучка Эмили — ей тогда было одиннадцать — почти постоянно сидела рядом, разбирая его старые карты и фотографии, не требуя слов. Артур улыбался ей, и улыбка была настоящей, но за ней, как за

тонким стеклом, стояла пустота.

В лесу мелькнул свет.

Не костёр — что-то мягче, глубже. Свет перемещался между стволами, как живой. Он не дрожал, не мигал. Он плыл, будто кто-то нёс фонарь, но фонарь этот не давал круга — он просто освещал путь. Для него.

Артур сделал шаг.

Под ногой хрустнула ветка, и звук показался слишком громким, будто лес притих, чтобы услышать его. Воздух стал другим — гуще, теплее. Пахло мокрой корой и чем-то сладковатым, чему он не мог дать имени.

Тропа вела его внутрь, и Артур шёл.

Он не оглядывался — хотя стоило. Город за спиной таял, как стёртый карандашный набросок. Дома становились меньше, тусклее, пока не остались только тёмные квадраты, а потом — ничего. Лес сомкнулся вокруг него, и ему было не тесно.

Свет впереди двигался, и Артур шёл за ним.

Он думал: я вернусь до рассвета.

Он думал: всего лишь посмотрю.

Он думал: это ведь просто лес.

А потом он услышал, как кто-то зовёт его по имени.

Не голосом — не совсем. Скорее, изнутри. Как будто его собственное имя всплыло из какого-то далёкого, забытого места, и лес просто вернул его ему. Звук шёл отовсюду и ниоткуда, и Артур остановился, потому что впервые за долгие месяцы — после похорон, после пустого дома, после тишины, которая давила сильнее любых слов — он почувствовал, что его слышат.

— Я здесь, — сказал он.

Лес принял его слова. Кроны качнулись, хотя ветра не было.

Артур Кэрроу вошёл в лес ночью 31 октября 2019 года и не вышел.

Утром его дочь Мэган обнаружила на кухонном столе недопитую чашку кофе — остывший, с плёнкой на поверх-

ности. На стене висела фотография, где он обнимал Маргарет в день их сорокалетия, и оба смеялись, будто весь мир уместился в одном кадре. В мастерской на верстаке осталась недоделанная деревянная шкатулка — он вырезал их для Эмили каждую осень.

Мэган обыскала лес. Обыскала полиция, соседи, добровольцы. Нашли только отпечатки его ботинок — они вели вглубь и обрывались на поляне, где ничего не росло.

Шкатулку Мэган доделала сама. Криво, неумело. Поставила на полку к остальным — к тем, что Артур вырезал раньше, ровным и тёплым.

Весной она сказала соседке: Лес его не украл. Он его впустил.

Соседка не поняла. Мэган не повторила. И не стала объяснять.

Но город понял и запомнил — по-своему, обтёсывая историю, как обтёсывают доску, снимая лишнее, пока не останется простое правило: в лес не ходят после заката.

А лес помнил.

Он помнил Артура, и его шаги, и то, как он сказал «я здесь», и как его голос впервые за долгое время звучал без боли. Он хранил это, как хранят тёплые вещи в сундуке на чердаке — не чтобы носить, а чтобы знать, что они есть.

Лес не торопился. Он умел ждать.

Он ждал следующего.

ГЛАВА 1. ЗА ДВА ДНЯ ДО

29 октября 2026 года
Утро 29 октября началось с тумана.

Он пришёл со стороны леса — это всегда так — и расстелился по улицам Райвенсвуда ровным молочным слоем, будто кто-то разлил что-то густое между домами. Фонари ещё горели, но их свет расплылся в белёсых кругах, бесполезных и красивых. Тротуары блестели. Крыши машин во дворах были покрыты росой, и машины, проезжавшие по главной улице, оставляли на асфальте мокрые следы.

Райвенсвуд не был большим городком. Три с половиной тысячи человек, одна школа, одна церковь, одна пиццерия, которую все называли просто «у Тони» — хотя Тони уже пять лет как продал её парню по имени Дерек. Но названия

в Райвенсвуде приживались и не отпускали. Так же, как и легенды.

Эмили Кэрроу шла в школу по Мэйн-стрит, и туман обнимал её лодыжки. Она не любила конец октября — не из-за погоды, а из-за того, как город менялся. Каждый год в эти дни Райвенсвуд как будто становился тише, настороженнее. Люди закрывали окна раньше. Собак не выгуливали после семи. На стенах появлялись нарисованные от руки объявления о школьном хеллоуинском празднике, и кто-то каждый год добавлял снизу одно и то же: «Не ходите в лес».

Эмили было восемнадцать. Среднего роста, с длинными тёмными волосами до талии, завязанными в высокий хвост, который к обеду обычно всё ещё держался — тяжёлые, прямые, непослушные в сырую погоду. Зелёно-карие глаза, чуть больше зелёного в пасмурные дни и больше карего — на солнце. Миловидное лицо, не броское, с тонкими чертами и серьёзным выражением, которое она не задумываясь носила, как другие носят улыбку. Она была из тех, кого сначала не замечают в толпе, а потом не могут перестать видеть. Она носила старую куртку своего деда — армейскую, на тонкой подкладке, с потёртыми пуговицами. Мать говорила сдать её в комиссионку, но Эмили не сдала. Не могла сдать. Это была одна из вещей, которые напоминали ей о дедушке. И еще медальон. Эмили носила его не снимая с тех пор, как дедушка

подарил ей медальон незадолго до своей пропажи. Эмили не могла объяснить почему, но она была уверена, что медальон нельзя снимать и он всегда должен быть у нее на шее.

Школа стояла на холме в конце улицы — двухэтажное кирпичное здание с облупившейся краской на дверях и доской объявлений, на которой висел листок: «Осенний бал. 31 октября. Актовый зал. Вход 5 долларов. Костюмы приветствуются (но не обязательны)». Ниже кто-то приписал маркером: «Лес обязателен», и кто-то другой зачеркнул это, и кто-то третий написал поверх: «Не смешно».

Эмили толкнула дверь и вошла в гул коридора.

— Кэрроу!

Коул Райт стоял у её шкафчика, привалившись к нему плечом, — как будто ждал её, хотя они никогда не договаривались. Просто Коул всегда оказывался там, где нужно, с таким выражением лица, будто всё идёт по плану, который известен только ему.

— Опоздала бы ты ещё на минуту — я бы начал беспокоиться, — сказал он.

— Ты бы не начал, — ответила Эмили, открывая шкаф-

чик. — Ты бы нашёл кого-то другого, чтобы пугать.

— Я не пугаю. Я подготавливаю. — Коул наклонился ближе. — Ты знаешь, какой послезавтра день?

— Суббота.

— Хэллоуин, Эмили. Хэллоуин. А ты «суббота».

— Это тоже выходной.

Коул засмеялся. У него был лёгкий, в меру громкий смех — тот, который заставлял учителей поворачиваться, а потом не сердиться, потому что Коул выглядел так, будто не сделал ничего плохого. Высокий, русый, с вечно расстёгнутым воротом рубашки, он двигался по школе с тем хозяйским спокойствием, которое бывает у людей, которым нигде не тесно.

— Слушай, — продолжил Коул, — Кейт что-то затевает. Я заходил к ней утром — она рисует карту. Карта, Эмили. С маршрутами. Кейт Моррисон, которая не может найти свой автобусный проездной в собственном рюкзаке, рисует карту.

— Это про вечеринку? — Эмили достала учебник и захлопнула шкафчик.

— Это про вечеринку. — Коул сделал паузу, будто слово было с подвохом. — В лесу.

Эмили остановилась.

— В лесу?

— Ну да.

— Коул, послезавтра Хэллоуин!

— Именно поэтому. Хэллоуин, лес, костюмы — идеальное сочетание. Как арахис и изюм.

— Ты не любишь изюм.

— Я не люблю лес. Но изюм — да.

Эмили посмотрела на него.

— Ты же не всерьёз?

— Я всерьёз отношусь к изюму. А лес придумала Кейт. Я только передаю.

Они прошли по коридору к лестнице, где Кейт Морри-

сон уже сидела на подоконнике, согнувшись над телефоном. Кейт была невысокой, теплой блондинкой, с веснушками, которые проступали сильнее, когда она волновалась, и сейчас они горели на её щеках, как россыпь корицы. Рядом с ней лежал раскрытый блокнот, и Эмили успела увидеть стрелки, кружки и надписи, прежде чем Кейт захлопнула его.

— Нет, — сказала Эмили.

— Ты даже не знаешь, что я хотела сказать, — сказала Кейт.

— Ты хочешь устроить вечеринку в лесу в субботу ночью.

Кейт моргнула.

— Откуда ты знаешь?

— Коул сказал.

— Коул. — Кейт посмотрела на него с выражением, которое означало «предатель», и снова повернулась к Эмили. — Это не просто вечеринка. Это будет классно. Мы уже два года хотим это сделать. Все старшеклассники туда ходят, ты знаешь. Тайлер сказал, что Карверы в прошлом году жгли костёр на поляне, и никто не тронул их.

— Карверы — идиоты, — сказала Эмили.

— Вот именно, им ничего не было.

— Может, потому что они слишком тупые, чтобы лес их заметил.

Коул фыркнул. Кейт не засмеялась.

— Эм, послушай. Я знаю, что ты... — она не договорила, но Эмили поняла. Кейт знала, что тема леса для неё — не абстрактная. Что дедушка исчез там. Что каждое 31 октября Эмили просыпается раньше будильника и смотрит в сторону деревьев из окна кухни, и мать говорит «не стой так», и Эмили отходит. — Но это просто лес. Люди туда ходят. Ребята собираются, жгут огонь, поют, пьют то, что не должны пить. Ничего не случается.

— Семь человек, — сказала Эмили тихо. — За многие десятилетия. Все в Хэллоуин. По крайней мере, так утверждает городской список.

Повисла пауза.

— Это легенды, — сказала Кейт. — Ты же сама знаешь.

В маленьких городках всегда так: любой несчастный случай через три пересказа превращается в мистику. Кто-то заблудился, кто-то упал в овраг, кто-то ушёл из дома и не вернулся. Это не лес, это жизнь.

Эмили промолчала. Кейт права — в том, что так это можно объяснить. Но Кейт не выросла в доме, где на полке стоит шесть деревянных шкатулок, вырезанных руками человека, который однажды вышел в лес и не вернулся. И седьмая — кривая, неумелая, сделанная чужими руками.

— Эм, — Кейт взяла её за руку. — Мы не пойдём глубоко. Поляна у входа. Костёр. Музыка. К утру — домой. Никто не будет бродить по тёмным тропам.

Эмили посмотрела на неё.

— А Макс знает?

Кейт отвела взгляд.

— Макс знает.

— Макс знает, — подтвердил Коул. — И Макс, как обычно, хочет всех спасти.

Макс Тёрнер стоял у входа в кабинет истории — высокий, широкоплечий, с короткой стрижкой и лицом, которое всегда выглядело на два года старше. Ему было девятнадцать, и он уже год работал волонтёром в спасательной службе округа — единственный из школы. Макс не говорил об этом много, но все знали: он участвовал в трёх поисковых операциях, и одна закончилась тем, что нашли пожилого туриста, который заблудился в лесу в сорока милях от Райвенсвуда и выжил только потому, что нашёл ручей.

Макс увидел их, подошёл. Молча посмотрел на блокнот Кейт.

— Нет, — сказал он.

— Ты даже не... — начала Кейт.

— Я знаю, что это. И я говорю нет. — Макс скрестил руки. — Вы хотите идти в лес ночью 31 октября. В лес, из которого люди не возвращаются.

— Люди не возвращаются из множества мест, — сказала Кейт. — Это не повод не выходить из дома.

— Это повод не идти в этот лес. В этот день.

— Макс, ты говоришь как моя бабушка.

— Твоя бабушка умная женщина.

Коул поднял руки.

— Окей, окей. Может, не здесь? — по коридору шла миссис Хейл, учительница биологии, и покосилась на них. Коул понизил голос. — Макс, никто не заставляет тебя идти. Оставайся дома, грей какао, читай справочник по выживанию. Но мы идём.

— Вы идёте? — Макс посмотрел на Эмили.

Эмили почувствовала его взгляд. Он не давил — он спрашивал по-настоящему. Макс был из тех, кто не спорит ради спора, а спорит, потому что ему не всё равно.

— Я не знаю, — сказала Эмили. Честно. — Может быть.

Кейт сжала её руку и отпустила.

Дверь класса открылась, и все вошли.

Эмили села у окна — своего обычного места. Справа от неё — Кейт, слева — пустой стул, за которым сидел Тайлер

Бишоп. Он был лучшим другом Коула с первого класса — с тех пор, как Тайлер не мог залезть на турник, а Коул подсадил его и сказал: «Видишь? Не так сложно». Тайлер пришёл последним, как всегда, и сел тихо, как всегда. Тайлер был из тех, кто присутствовал, не занимая пространства. Средний рост, темно рыжие волосы чуть длиннее, чем нужно, темно-серые глаза, толстовка с капюшоном, надетая даже в классе. Он был другом Коула, но не был похож на него — Коул заполнял комнату, а Тайлер будто слегка растворялся в ней. Эмили знала его с детства — он жил через три дома, и они вместе ходили в начальную школу, но несколько месяцев назад что-то поменялось. Не ссора, не разрыв — просто Тайлер отошёл. Стал тише. Начал опаздывать. Пропускал дни, а потом появлялся с таким лицом, будто объяснения не нужны.

Сейчас он сидел рядом, и Эмили почувствовала что-то раньше, чем увидела. Тишина от него шла другая — не обычная, знакомая, а плотнее, будто он был здесь, но не полностью. Будто часть его уже где-то.

— Привет, — сказала Эмили.

Тайлер повернулся. Посмотрел на неё. Улыбнулся — коротко, одной стороной.

— Привет.

И отвернулся к окну.

Эмили проследила его взгляд. За окном, за автостоянкой, за футбольным полем, за последними домами на Элм-стрит — лес. Тёмная полоса на горизонте, и в это утро, в тумане, он выглядел не как деревья, а как стена. Ровная, плотная, будто город упирался в край чего-то, что не хотело пускать дальше.

Тайлер смотрел на лес.

Не скользящим взглядом, не случайно. Он смотрел так, как смотрят на что-то, что уже видели во сне. Долго, не мигая, и в его затылке, в напряжённых плечах, было что-то, что Эмили узнала — потому что сама смотрела так. Каждый год. Каждое 31 октября.

Она хотела сказать что-то — но не знала что. И Тайлер отвернулся, и стал смотреть в учебник, и всё стало обычным. Почти.

Сильвия Лоуренс сидела на два ряда впереди. Эмили не была с ней близка так, как с Кейт — Сильвия ни с кем не была близка, хотя и была в их компании, и это было не от высокомерия, а от чего-то более тихого. Она была маленькой, тёмноволосой, с лицом, которое редко менялось, и голосом,

который в большой компании терялся, как ручей в шуме дождя. Она носила блокнот — всегда, везде, потрёпанный, в кожаной обложке, — и рисовала в нём беспрерывно. На уроках, на переменах, в столовой. Рисовала деревья.

Эмили видела её рисунки — мельком, когда Сильвия не закрывала блокнот. Деревья были хорошими. Детальные, живые, с корой, которая выглядела шершавой на ощупь. Но одно дерево — то, которое Сильвия рисовала сегодня — Эмили не узнала. Оно было похоже на дуб, но не дуб. На клён, но не клён. Ветки шли не вверх, а в стороны, горизонтально, как руки, протянутые к чему-то. Корни выпирали из земли, переплетённые, как верёвки. И в центре ствола, там, где должна быть кора, — пустота. Не дупло. Скорее — проём. Дверь.

Сильвия рисовала его осторожно, мелкими штрихами, и её правая рука мелко дрожала.

Эмили хотела спросить: Что это за дерево? — но не успела, потому что миссис Хейл постучала по доске и урок начался.

На перемене Эмили нашла Кейт у автомата с водой.

— Ты сказала Тайлеру? Про вечеринку?

— Конечно, — Кейт вставила монету. — Он в деле. Правда, сказал тихо, но он всегда тихо говорит.

— Он сегодня тихий.

— Он всегда тихий.

— Нет. Сегодня — по-другому тихий.

Кейт посмотрела на неё.

— Эм, что ты хочешь сказать?

Эмили помолчала.

— Не знаю. Может, ничего.

— Может, ничего, — повторила Кейт мягко. — Хватит искать повсюду признаки. Не всё — знак.

Эмили кивнула. Кейт была права. Наверное.

Но в тот день, на последнем уроке, Тайлер снова сидел у окна, и снова смотрел на лес. И Эмили снова увидела это — то, как его пальцы лежали на столе, неподвижно, и то, как

он дышал, медленно, ровно, будто считал. Будто слушал что-то, что шло оттуда, из-за деревьев, из тумана, из тишины, которая не была пустой.

Она не сказала никому.

После школы Эмили шла домой по Мэйн-стрит, и туман уже поднялся, а небо было серым, ровным, без единой складки. Лес за домами стал явиден чётче — тёмная линия, чуть выше крыш, чуть горизонтальнее, чем что-либо в этом городе. Эмили смотрела на него и думала о дедушке. О шкатулках на полке. О том, что он сказал маме перед исчезновением: Я слышу его. Лес зовёт меня по имени, и я не знаю, как перестать слушать.

Мать думала — метафора. Горе, тоска, одиночество.

Эмили знала — нет.

В кармане завибрировал телефон. Сообщение от Кейт: «Вечеринка в субботу, 21:00. Увидимся у старой плотины. Серьёзно, Эм. Всё будет хорошо. ❤»

Эмили убрала телефон. Подошла к дому, открыла дверь, сняла куртку — дедушкину, тёплую, пахнущую чем-то, что она не могла объяснить, но что всегда возвращало её в дет-

ство, в его мастерскую, в стружку на полу и в его голос, который рассказывал Эмили самые разные истории.

На полке в коридоре стояли семь шкатулок. Шесть — ровные, тёплые, вырезанные его руками. Седьмая — кривая, не та, не его.

Эмили посмотрела на них и прошла мимо.

Послезавтра будет Хэллоуин.

ГЛАВА 2. НОВЕНЬКИЙ

30 октября, пятница

Утро 30 октября было светлым — неожиданно, обманчиво светлым для конца октября. Туман ушёл, и небо стояло чистое, бледно-голубое, с той хрупкой ясностью, которая бывает перед первым морозом. Листья на клёнах вдоль Мэйн-стрит горели рыжим и жёлтым, и город выглядел почти празднично — если не смотреть в сторону леса.

Лес в это утро был виден слишком хорошо. Без тумана он встал за домами чётко, как декорация, — тёмная, плотная стена, и казалось, что деревья стоят ближе, чем вчера. Эмили знала, что это невозможно — лес не двигается. Но каждое 31 октября ей казалось, что он подбирается чуть ближе, как

человек, который тихо пододвигает стул.

Она шла в школу и старалась не смотреть. Но не получалось.

В коридоре было шумнее обычного. Хэллоуин в школе — не большой праздник, но достаточный, чтобы учителя делали вид, что не замечают лишний шум, а старшеклассники делали вид, что уже слишком взрослые для костюмов, и при этом тайком приносили уши кошек и вампирские клыки. На доске объявлений к старому листку про осенний бал кто-то приколол новый — нарисованный от руки череп и подпись: «Лес помнит. Ты тоже помнишь?»

Эмили остановилась перед ним. Рисунок был аккуратным — не детский. Череп не мультяшный, а настоящий, анатомически близкий, с провалами глазниц, которые казались глубже, чем бумага. Она не знала, кто рисовал, но подумала о Сильвии — без причины, просто подумала.

— Кэрроу, не стой столбом.

Коул шёл мимо, с пакетом пончиков из «У Тони». Он протянул ейодин.

— Спасибо, нет.

— Это пончик, Эмили. Не предложение руки и сердца.

Она взяла пончик. Коул кивнул, будто проверил что-то в списке, и пошёл дальше.

В столовой в тот день было тесно. Две группы младшеклассников заняли дальние столы — что-то обсуждали про школьное собрание. А старшеклассники сбились в центре, громче обычного и подвижнее. Запах пиццы — настоящей, не из микроволновки — шёл от раздаточной, где Дерек (не Тони) открыл временную точку к празднику. Очередь стояла до двери.

Эмили сидела с Кейт у окна, ела пончик Коула и слушала Кейт, которая говорила о вечеринке — снова о вечеринке.

— Костюмы — не обязательны, но я подумала: если уж идти в лес в Хэллоуин, надо хотя бы выглядеть соответствующе.

— Ты идёшь как кто? — спросила Эмили, не глядя.

— Красная Шапочка. — Кейт гордо показала телефон с фотографией: красный плащ, купленный онлайн, и корзина — настоящая, плетёная. — А ты?

— Не знаю.

— Ты ведь идёшь.

— Я не говорила, что точно иду.

— Ты не говорила, что не идёшь. Это почти то же самое.

Эмили хотела ответить, но заметила Макса. Он стоял в очереди за пиццей, и недалеко от него — за столом — сидел кто-то, кого Эмили видела, но не слышала. Итан Кейн.

Итан был в школе вторую неделю. Эмили помнила его первый день — потому что в Райвенсвуде новенькие были событием, а в старших классах — почти происшествием. Он вошёл в класс тихо, сел у стены, и миссис Хейл представила его: «Итан Кейн, переехал к нам из Монтаны». Несколько приветственных фраз — «добро пожаловать», «если что-то понадобится» — и всё. Итан кивнул и сел. С тех пор Эмили видела его в коридорах, в столовой, на заднем дворе школы, где он иногда сидел на скамейке один и смотрел на деревья за забором. Не в телефон. На деревья.

Он был высокий — выше Макса на полголовы, хотя Макс не маленький. Широкие плечи, но не тяжёлые — скорее лёг-

кие, как у людей, привыкших к пространству. Волосы тёмные, короткие, модная стрижка. Лицо спокойное, загорелое — не от солярия, а от солнца, настоящего, монтанского. Глаза серые, или серо-зелёные — Эмили не была уверена, потому что никогда не смотрела ему в глаза напрямую. Она знала, что он носит фланелевые рубашки — не как модный атрибут, а как привычку, — и что у него есть привычка закатывать рукава до локтей, и что на левом запястье у него тонкий шрам — белый, старый, как от проволоки или рыболовного крючка. Она знала это, потому что замечала. Не специально.

Макс взял пиццу и, вместо того, чтобы вернуться к своим, сел напротив Итана.

Эмили видела это от своего стола. Кейт что-то рассказывала про корзину, но Эмили уже не слушала. Она смотрела.

Макс поставил поднос и кивнул — так, как Макс умеет: коротко, по-мужски, без лишних слов. Итан поднял взгляд и кивнул в ответ.

— Тёрнер, — сказал Макс. — Мы не разговаривали. Две недели ты в нашей школе, и мы ни разу не разговаривали.

— Я заметил, — сказал Итан. Голос у него был низкий, ровный, с чуть растянутыми гласными — западный акцент,

Монтана. — Думал, это местная традиция.

— Нет. Традиция — пицца у Дерека. — Макс откусил кусок. — Ты как? Освоился?

— Более-менее. Школа меньше, чем наша в Мунрейне. А в Мунрейне школа была меньше, чем салон на этой улице.

— Мунрейн — это где?

— Западная Монтана. Четыреста человек. Одна школа, один магазин, одна заправка. И лес.

Макс поднял бровь.

— Лес?

— Наш дом стоял прямо у леса. Не у рощицы, не у парка — у настоящего леса. Он начинался за задним забором. Мама говорила, что по утрам слышно, как просыпаются деревья.

Эмили замерла с пончиком у рта. Она слышала каждое слово — столовая гудела, но голос Итана прорезал шум, будто шёл прямо к ней, минуя остальных.

— Звучит... — Макс помедлил, — красиво. Или жутковато.

— И то, и другое, — сказал Итан спокойно. — Привыкаешь. Деревья у забора — как соседи. Утром скажешь «привет», вечером — «спокойной ночи». Они не отвечают, но и не уходят.

Макс засмеялся — коротко, по-своему. Но Итан не засмеялся. Он сказал это серьёзно — не как шутку, а как факт.

— А семья? — Макс вернулся к пицце. — Ты с мамой переехал?

— С мамой и сестрой. Мама — Джейн. Младшая сестра — Лили, ей двенадцать.

— Отец?

Тишина. Не долгая — секунда, может, полторы — но Эмили её услышала. Как пауза в музыке, которая говорит больше, чем ноты до и после.

— Не с нами, — сказал Итан.

Макс не стал уточнять. Он умел чувствовать границы —

может, от спасательной службы, может, от характера. Кивнул и перевёл.

— Мама работает?

— Пока нет. — Итан посмотрел в окно. — Ищет. Она... тихая. Тихая в новом смысле — не молчаливая, а как будто прислушивается. Мы переехали, а она всё ещё решает, правильно ли.

— А сестра?

— Лили — застенчивая. — Итан чуть улыбнулся — впервые за разговор. — Она стесняется даже тени. На первой неделе здесь заблудилась в школе — триста человек, и она заблудилась. Позвонила мне с чужого телефона, потому что свой потеряла. Нашёл её в кладовой у спортзала.

Макс хмыкнул.

— Точно как моя сестра.

— Твоя сестра выросла из этого?

— Нет, она всё ещё теряет ключи.

Они улыбнулись друг другу — коротко, по-мужски, без широких жестов. Макс доел пиццу, смял салфетку и бросил на поднос.

— Слушай, — сказал он, — тут завтра вечером кое-что будет происходить. В лесу.

— В лесу?

— Вечеринка. Старшеклассники, костюмы, огонь. Я не иду — по понятным причинам. Но если ты думаешь пойти... Я не советую.

— Я не думаю пойти.

— Хорошо. Просто хотел, чтобы ты знал. — Макс помолчал. — Этот лес — не как в Монтане.

— Чем отличается?

— Тем, что из монтанского леса люди возвращаются.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.